

Рахматуллин М.А. Воины России в Крымской кампании

// Вопросы истории. 1972. №8. С.94-118.

OCR, корректура: Бахурин Юрий (a.k.a. Sonnenmensch), e-mail: georgi21@inbox.ru

«Крымская война показала гнилость и
бессилие крепостной России»
(В.И. Ленин).

«Надолго оставит в России великие следы
эта эпопея Севастополя, которой
героем был народ русский...» (Л.Н. Толстой).

В истории России XIX в. Крымская война 1853-1856 гг. занимает особое место. Именно эта военная кампания в конечном счете повлекла за собой весьма значительные экономические и политические последствия в стране. Отличалась она и своими масштабами: военные действия, правда, с разной степенью остроты и напряженности, велись на Дунае и на Камчатке, в Крыму и на Белом море, в Закавказье и на Балтике. Россия в одиночку противостояла Англии, Франции, Турции и Сардинскому королевству. Война закончилась крахом захватнических планов как правящих кругов Англии, Франции и Турции, так и царского самодержавия. Она показала несостоятельность политических, военных и экономических расчетов воюющих сторон{1}. Но в то же время она явилась убедительным свидетельством величия духа народов России, вставших на защиту отечества от иноземных завоевателей и вынесших на своих плечах все ее тяготы. Летопись военных событий того далекого времени полна примерами мужества и героизма, стойкости и отваги, боевого мастерства солдат и матросов, умелого и талантливое руководства подчиненными таких ярких военачальников, как П.С. Нахимов, В.А. Корнилов, В.И. Истомин, В.И. Васильчиков, Э.И. Тотлебен, С.А. Хрулев. Но не менее богата она и свидетельствами удивительной бездарности верховного командования. Честно сражались за родину 16 тыс., безвестных большей частью, матросов Черноморского флота. Из них 15 200 пали смертью храбрых на бастионах Севастополя. Десятки тысяч солдат отдали жизнь в этой войне, и их служение своему долгу было не напрасным, ибо вскоре после Крымской кампании круто изменилась судьба всей России.

К середине XIX в. наглядно проявилось отставание России от передовых капиталистических стран Западной Европы. Огромная держава с ее неисчерпаемыми возможностями платила дорогую дань крепостному праву. Кризис феодально-крепостнической системы протекал в условиях жесточайшей реакции после поражения восстания декабристов. Развитие буржуазных отношений шло замедленными темпами. Это не могло не сказаться на оборонной мощи страны. Между тем к началу 50-х годов XIX в. неизбежность новой войны за решение «восточного вопроса» стала очевидной. Вскоре нашелся «убедительный» повод для ее развязывания: контроль над «святыми местами» в Палестине, которые наводнялись паломниками-христианами из России и стран Западной Европы. Как нельзя кстати оказалось решение турецкого султана, -94- принятое под нажимом Франции, передать ключи от главных ворот Вифлеемского храма, связанного с легендой о

рождении Христа, католическому духовенству. Это вызвало взрыв «искреннего» негодования у царя Николая I и дало ему предлог для того, чтобы предъявить Турции ряд требований ультимативного характера. Их принятие фактически означало бы признание права царского правительства вмешиваться во внутренние дела Турции. Прибегая к этому шагу, царская дипломатия исходила из того, что Турция вряд ли решится воевать с Россией и что военный союз Англии с Францией невозможен. Но вопреки таким расчетам эти две страны не только объединились в борьбе против России, но и приложили немало усилий для обострения русско-турецкого конфликта, приведшего в мае 1853 г. к разрыву дипломатических отношений. 3 июля (здесь и ниже все даты – по новому стилю) русская армия под командованием князя М. Д. Горчакова перешла р. Прут и вступила в Молдавию и Валахию^{2}. Английская и французская эскадры, в свою очередь, бросили якорь в Безикской бухте, у входа в Дарданеллы. Европа приближалась к войне.

1. Начало войны.

22 сентября союзная эскадра прошла через Дарданеллы в Мраморное море. Четыре дня спустя Турция потребовала в 15-дневный срок отвести войска из Молдавии и Валахии. Царская дипломатия оставила ультиматум без внимания, не желая понять, что разрыв отношений с Турцией отвечал сокровенным планам англо-французской дипломатии. Развязывая войну, правящие круги Англии и Франции ставили своей задачей не только уничтожение набиравшего силу русского Черноморского флота, но и передачу Турции Кавказа, Крыма и ряда других территорий. «Моя заветная цель в войне, начинающейся против России, писал накануне нее британский премьер лорд Пальмерстон, такова: Аландские острова и Финляндию отдать Швеции; часть остзейских провинций России... передать Пруссии; восстановить самостоятельное королевство Польское как барьер между Германией и Россией. Валахию, Молдавию и устье Дуная отдать Австрии... Крым, Черкесию и Грузию отторгнуть от России; Крым и Грузию отдать Турции, а Черкесию либо сделать независимой, либо передать под суверенитет султана»^{3}.

16 октября турецкое правительство объявило войну России и отдало приказ своей армии начать боевые действия на Дунае и в Закавказье. Первое серьезное столкновение на Дунае произошло 2 ноября, когда 8-тысячный отряд турецких войск занял укрепленные позиции у с. Ольтеницы, рассчитывая создать здесь опорный пункт для действий в направлении Бухареста. 4 ноября русские войска под командованием генерала П.А. Данненберга вступили в бой с турецкими силами и в результате энергичной атаки обратили неприятеля в бегство. Однако нерешительность командира помешала развить первоначальный успех и сбросить врага в Дунай. Нужно было ввести в действие резервы, но войска неожиданно получили приказ отойти на исходные рубежи. По этому поводу Е.В. Тарле остроумно заметил, что «Данненберг по своей полной военной бездарности украл у русского солдата его победу под Ольтеницей, как интенданты крали солдатский паек»^{4}. В этом бою, как, впрочем, и во всех трех крупных сражениях на Дунае в кампании 1853-1854 гг. (Ольтеницы, Четати, Журжа), русским приходилось биться с вдвое, а то и втрое превосходившими силами противника, чаще всего из-за неумения М.Д. Горчакова и большинства его генералов осуществлять стратегическое и тактическое руководство войсками. Царские военачальники по-прежнему придерживались шаблонных построений из тесно сомкнутых колонн с редкой цепью стрелков впереди. В условиях, когда на смену

гладкоствольному ружью пришел штуцер, способный поражать цель на расстоянии до 800 м, а в артиллерии чугунное ядро заменила бомба с разрывным зарядом, это приводило к огромным потерям. В довершение ко всему русская армия была вооружена гладкоствольными ружьями -95-, поражающими цель всего на 120-150 метров. Штуцеры по штату полагалось иметь лишь шести солдатам в роте.

13 ноября турки, опасаясь новой атаки на их позиции и не видя способов для удержания занятого пункта, вернулись на правый берег Дуная. Не принесли успеха попытки турецких войск переправиться через Дунай и в районе Рушука. Военные действия на большинстве участков ограничивались мелкими стычками. Исключение составили рейды казачьей конницы, продемонстрировавшей свои превосходные боевые качества в боях под Турно и Расту, что отбило на целый месяц охоту к наступательным действиям у командира Калафатского отряда Ахмет-паши. Лишь 6 января 1854 г. турки, подтянув резервы и доведя численность отряда до 20 тыс. человек против 7 тыс. русских солдат, предприняли попытку овладеть с. Четати. Более трех часов Тобольский пехотный полк, заняв круговую оборону, успешно отражал непрерывные атаки противника. Более того, в ходе боя был момент, когда две роты тобольцев, поддержанные эскадроном гусар и казачьей сотней, стремительной атакой обратили в бегство три полка турок. Однако силы были слишком неравными. Тобольцы держались исключительно благодаря своему мужеству и боевому мастерству (заметим, что бой при Четати долгое время рассматривался в военной литературе как классический образец обороны селения небольшими силами). В последнюю минуту неравного сражения на помощь подоспел Одесский егерский полк, совершивший 30-километровый марш-бросок, а затем появился и третий русский полк. Турки обратились в бегство и сосредоточились у Калафата. И вновь нераспорядительность командования, несогласованность действий и преступная медлительность генерала И.Р. Анрепа, командовавшего Маловалашским отрядом, спасли противника от полного разгрома.

Еще в меньшей степени сопутствовал успех туркам в Закавказье, хотя первоначально обстановка здесь складывалась крайне неблагоприятно для русских войск, основные силы которых были сосредоточены вокруг районов, занятых горцами Шамиля. Имевшихся в распоряжении М.С. Воронцова 20 батальонов пехоты и незначительных частей иррегулярной конницы было недостаточно для отражения турецкого вторжения. К концу сентября из Севастополя морем удалось перебросить в Грузию 13-ю пехотную дивизию. Ее 16-тысячный личный состав в полном походном снаряжении и с месячным запасом продовольствия при двух батареях и с 827 лошадьми был доставлен в район Сухуми в течение одной недели. Исключительная для того времени операция стала возможной благодаря отличной выучке и отваге моряков Черноморского флота под командованием П.С. Нахимова. В конце октября главные силы турецкой армии были стянуты в район Карса. Первое крупное столкновение 6-тысячного отряда русских войск с турками произошло 14 ноября при с. Баяндур. Отряду под командованием генерала И.Д. Орбелиани с помощью вовремя подоспевшего подкрепления удалось помешать 30-тысячному турецкому корпусу продвинуться в глубь пограничного района. Отражая натиск численно превосходящего противника, русские войска проявили отличное взаимодействие; контратаки пехоты умело и своевременно поддерживались фланговыми атаками кавалерии и эффективным картечным огнем артиллеристов. Военные действия в Закавказье приобретали все более активный характер, однако здесь русское командование не имело плана дальнейших действий, так как оно все еще не было

уведомлено о разрыве отношений с Турцией. Лишь 18 ноября Кавказская армия получила царский манифест о начале войны, и сразу же началась подготовка наступления вдоль правого берега р. Арпачая. Уже 26 ноября 7-тысячный отряд русских навязал под Ахалцыхом бой 18-тысячному корпусу Али-паши и одержал блистательную победу: от Ардаганского корпуса в строю осталось не более 4 тыс. конников. Остальные пали в бою, либо попали в плен, либо дезертировали. Было захвачено 11 вражеских орудий с полным комплектом боеприпасов, знамена, походная канцелярия Али-паши, запасы продовольствия и снаряжения. Успех был достигнут во многом благодаря применению новых тактических приемов наступательного боя: русские солдаты стихийно, на основе накопленного опыта и вопреки требованиям царских уставов, вели бой в рассыпной цепи, умело используя рельеф местности. Спустя пять дней под Баш-Кадыкляром наголову был разгромлен и главный 36-тысячный турецкий корпус при 46 орудиях. И вновь эта победа явилась результатом четкого взаимодействия пехоты, артиллерии и конницы, неудержимого наступательного порыва 96- русских солдат, умелого маневрирования наличными силами в ходе боя против численно превосходящего противника, когда на каждого русского солдата приходилось по меньшей мере три турецких. В бою было захвачено 24 орудия, знамена и большое количество боеприпасов и снаряжения. Турки потеряли 8 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными. Почти вдвое большее число солдат дезертировало. В итоге в Карс возвратилось всего около 20 тыс. человек.

Значение одержанной победы трудно переоценить для последующего развития событий в Закавказье. Баш-Кадыкляр означал крушение стратегических планов турецкого командования, рассчитывавшего разбить русские пограничные отряды, преграждавшие путь в Закавказье, и, развивая наступление, выйти к Тифлису с юга. Благодаря этой победе была ликвидирована опасность вторжения турецких войск, угрожавшая Армении и Грузии. Достигнутые на Кавказском театре военных действий успехи в кампании 1853 г. и в последующие два года войны стали возможны не только благодаря храбрости русских солдат, оперативности и маневренности Действующей армии, фактически отказавшейся от соблюдения рекомендаций николаевских военных уставов, но во многом и в результате помощи народов Азербайджана, Армении, Грузии, поднявшихся на защиту своих земель от турецких захватчиков. Поражение турецкой армии под Баш-Кадыкляром произвело тем большее впечатление, что известие о нем почти совпало во времени с сообщением о гибели турецкого флота в Синопской бухте.

2. Синопское сражение.

Ноябрь 1853 г. на Черном море отличался частыми штормами. Но русская эскадра под командованием П. С. Нахимова упорно крейсировала у берегов Турции в поисках турецкого флота, готовившегося к высадке десанта на Черноморском побережье Кавказа. Наконец было получено известие о том, что корабли противника укрываются от непогоды в Синопской бухте, и 30 ноября русская эскадра в составе 6 линейных кораблей и 2 фрегатов появилась на ее внешнем рейде. Синопская бухта по своему положению являлась удобным и безопасным местом стоянки кораблей: окружающие возвышенности закрывали ее от северных ветров, а доступ на внутренний рейд преграждали 6 береговых батарей. Турецкие корабли (7 фрегатов, 3 корвета, 2 транспорта, 2 парохода-фрегата и 2 брига) располагались по пологой дуге, повторявшей очертание береговой линии, закрывая собой сектор обстрела 3 из 6 батарей крепости. Командующий турецкой эскадрой Осман-паша и его советник англичанин

А. Слейд проявили беспечность, не приняв мер к усилению обороны. Они были уверены, что русские моряки не сумеют прорваться к Синопу. Так, часть флотских экипажей была отпущена на берег; турки не воспользовались возможностью свезти на берег орудия для усиления огневой мощи крепостных батарей. Турецкие корабли, скученные на небольшом пространстве залива, не имели возможности свободно маневрировать и являлись отличной мишенью для русских артиллеристов. П.С. Нахимов умело использовал эти промахи врага. Противник был атакован двумя колоннами русских кораблей, которые, подойдя к турецкой эскадре на расстояние 350 м, в ответ на открытый огонь по рангоуту (совокупность круглых деревянных (металлических) частей парусного вооружения судна, предназначенных для постановки парусов, подъема грузов и т. д.) судов, ошеломили противника прицельным артиллерийским залпом из всех стволов. Турки надеялись, что с окончанием маневра русских кораблей матросы начнут убирать паруса и стрельба по рангоуту в это время приведет к гибели многих из них. Однако П.С. Нахимов распорядился взять паруса на гитовы (снасти для подтягивания парусов перед их окончательной уборкой) и не крепить их. В результате первый залп турецких орудий не причинил особого вреда русским кораблям. По количеству стволов эскадра П.С. Нахимова явно превосходила артиллерийское вооружение противника: 450 турецких орудий на кораблях и 21 тяжелое орудие батарей береговой обороны против 720 русских{5}. Соотношение личного состава экипажей было также в пользу русских -97- (6 718 на 4 520). Ожесточенный и упорный бой оказался скоротечным. Начавшись в половине первого дня, он окончился к четырем часам пополудни. Наиболее насыщенными были первые два часа. В разгар сражения только русские орудия делали до 200 выстрелов в минуту, показывая исключительную скорострельность для своего времени, причем стрельба велась главным образом прицельная{6}. 3 турецких фрегата, корвет и пароход были объаты пламенем. А после взрыва 2 корветов огонь перекинулся и на городские постройки; вскоре город представлял собой сплошное пожарище. Русские матросы в ходе боя показали отличную боевую выучку, действовали с большим знанием дела, проявляли отвагу и воинскую смекалку. Среди экипажей кораблей особо отличились матросы «Ростислава», «Парижа», «Императрицы Марии».

Сражение закончилось полным разгромом турецкого флота: Было уничтожено 7 фрегатов, 3 корвета, 1 пароход и несколько мелких судов со всеми их экипажами. Из 4 500 матросов турки потеряли более 3 тысяч. Были взяты в плен командующий флотом. Осман-паша, два командира корабля и большое число офицеров и матросов. Русские матросы вытащили из воды тело контр-адмирала Гусейн-паши, утонувшего при попытке вплавь добраться до берега{7}. В смело задуманном и блестяще выполненном Синопском сражении последнем крупном столкновении парусных судов была уничтожена лучшая часть турецкого флота. В этот исторический день искусство Нахимова как выдающегося флотоводца, давшего, по словам В.А. Корнилова, «собственное Наваринское сражение»{8}, проявилось со всей полнотой. В его действиях «обнаружилось то редкое соединение твердой решимости с благоразумной осторожностью, то равновесие ума и характера, которое составляет исключительную принадлежность великих военачальников»{9}.

С первыми известиями о русских победах при Баш-Кадыкляре и Синопе, окончательно разрушившими надежды союзников захватить Кавказ одним ударом, английские и французские газеты начали бешеную кампанию против России, требуя немедленного объявления войны. Для правящих кругов этих стран стало очевидным, что Турция (готовая,

кстати сказать, в тот период к заключению мира) была не в состоянии в одиночку противостоять России. Союзники руководствовались отнюдь не сочувствием к туркам. Они боялись усиления влияния России на Востоке в случае окончательного поражения Турции в войне. Именно тогда утвердились ближайшие цели западных держав в ставшей неизбежной «большой» войне между ними и Россией: уничтожение русского флота и его базы Севастополя. С этого момента начался период непосредственного участия в войне Англии и Франции. В ночь на 4 января 1854 г. флот союзников в составе 89 линейных кораблей и фрегатов вошел в воды Черного моря. Корабли Черноморского флота укрылись на внутреннем рейде Севастопольской бухты. Количественное и качественное превосходство союзного флота было слишком велико{10}.

3. В Закавказье и на Дунае.

В феврале 1854 г. Россия заявила о разрыве дипломатических отношений с Англией и Францией. Турция, ободренная поддержкой союзников, в начале 1854 г. предприняла попытку организовать наступление в направлении Бухареста. 3 февраля были атакованы русские позиции в районе г. Журжа переправившимся через Дунай 6-тысячным отрядом Омер-паши. Но турки так и не смогли сломить сопротивление передовой русской заставы и вскоре после решительной штыковой атаки подоспевшего подкрепления были отброшены за Дунай. Это, однако, не остановило их, и они стали готовить новое наступление, стянув для этой цели свою флотилию к Рущуку. Но значительная часть сосредоточенной у крепостных стен Рущука флотилии была -98- уничтожена огнем русских батарей, умело воздвигнутых под руководством видного военного инженера К.А. Шильдера. Пытаясь предотвратить уничтожение оставшихся судов, укrywшихся под защитой крепостных батарей Силистрии, Омер-паша со своим отрядом вновь переправился через Дунай, внезапно напал на русские укрепления в районе с. Калараш и занял их. Однако атакованные вскоре основными силами русских под командованием генерала С. А. Хрулева, турки спешно отступили, понеся большие потери в живой силе и боевом снаряжении. В бою особенно отличились казачьи сотни, первыми обратившие своими бесстрашными действиями в бегство турецкий десант, и конная артиллерия, быстрым перемещением и точным огнем расстроившая ряды неприятельской пехоты.

События на Дунайском театре военных действий на первом этапе развивались медленно. Воюющие стороны не проявляли решительности, целеустремленности; поражает обилие элементарных с военной точки зрения ошибок и просчетов высшего командования. Но вот русское командование приняло решение активизировать боевые действия, и 22 марта русские войска почти беспрепятственно переправились через Дунай в районе Галаца, Браилова, Измаила и овладели сильно укрепленными турецкими крепостями Мачин, Тульча и Исакача. Успех операции во многом был обеспечен тщательно проведенной разведкой расположения сил противника в районах переправ. Для дезориентации турок еще 20 марта была предпринята ложная демонстрация переправы у Гирсово и в течение двух дней производился усиленный артиллерийский обстрел турецких позиций на широком участке фронта. В результате сопротивление наступавшим русским войскам оказал лишь один турецкий отряд, охранявший подступы к крепости Тульча. Здесь исход боя решили находчивость и инициатива русских солдат, атаковавших турецкие позиции в рассыпном строю. Завершились атаки рукопашной схваткой. Турки, оставив на поле боя свыше 1 тыс.

солдат и офицеров, отступили к Силистрии, очистив Бабадагскую долину и значительную часть Добруджи. Горчакову представилась возможность с ходу овладеть Силистрией. Но 45-тысячный корпус на правом берегу Дуная более месяца оставался в бездействии, упустив время для овладения этой крепостью.

В последующем это дорого обошлось России. Взятие крепости, занимавшей ключевые позиции на Дунае, давало возможность для проведения широких наступательных операций, способных оказать существенное влияние на планы неприятеля. Однако престарелый фельдмаршал И.Ф. Паскевич, назначенный главнокомандующим Западной и Южной армиями, опасаясь угрозы Австрии с тыла, войну с которой он считал неизбежной, и столкновения за Дунаем с объединенными силами турок и англо-французского десанта, отдал приказ войскам отойти от осажденной к тому времени Силистрии на левый берег Дуная. Основанием для этого послужило письмо Николая I от 13 июня, в котором предлагалось снять осаду с крепости лишь в случае возникновения непосредственной угрозы со стороны австрийской армии. Осторожный Паскевич не замедлил воспользоваться представившимся случаем, хотя опасность в большей мере была иллюзорной. В Париже и Лондоне не понимали причин неожиданного отступления от Силистрии. По мнению главнокомандующего французским экспедиционным корпусом маршала А.Ж. Сент-Арно, пытавшегося разгадать причины отхода русской армии, «никакая военная необходимость не заставляла... отступить»{11}. То, что русская армия оставила правобережье Дуная, а затем отступила к границам империи, дало союзникам возможность высвободить войска, посланные на помощь туркам на Дунае, и направить их в Крым. Война превращалась для России из наступательной в оборонительную. Сбывалось предвидение Ф. Энгельса, писавшего, что для русских взятие Силистрии явилось бы выигрышем, а оттеснение их от этого пункта почти проигрышем кампании .

Военные действия в Закавказье возобновились в начале мая 1854 года. К этому времени турки довели численность Анатолийской армии до 120 тыс. человек. В ее составе значительно возрос штат англо-французских инструкторов и советников, в руках которых сосредоточилось фактическое командование войсками. Численность русского корпуса не превышала, 40 тыс. человек. Авангардные части турок вторглись в пределы Грузии, имея целью овладеть Кутаисом и двинуться на Тифлис -99- . Но 8 июня при с. Нигойти турки были наголову разбиты отрядом подполковника Н.Д. Эриваня в рукопашной схватке, потеряв при этом более 1 тыс. человек только убитыми. Русские солдаты в бою по-прежнему больше полагались на штык, чем на пулю. «Наша храбрая пехота, отмечалось в рапорте об этом бое, штыками начавшая дело, штыками его и кончила»{12}. 16 июня 13-тысячный отряд И.М. Андронникова атаковал укрепленные позиции турок на р. Чолок. И вновь отличная боевая выучка русских солдат, их отвага, хорошо налаженное взаимодействие пехоты, кавалерии и артиллерии обеспечили победу над 34-тысячным корпусом Селим-паши. В этом бою отличился унтер-офицер П. Горошкин, до конца схватки остававшийся в строю, несмотря на полученные им 12 штыковых ран. С самой лучшей стороны проявили себя воины конной милиции, сформированной из многочисленных представителей народов Кавказа. Турки потеряли убитыми до 4 тыс. человек, еще больше разбежалось по окрестным лесам, и Селим-паша возвратился в Батум во главе небольшого отряда. Солдаты Андронникова захватили всю артиллерию противника, лагерь со всем снаряжением, 36 знамен и пр. В конце июля в направлении Эриваня выступил 20-тысячный Баязетский корпус турок. Перед

решающим броском противник расположился на привал у Чингильских высот. Этим обстоятельством воспользовался немногочисленный русский отряд под командованием генерала К. Е. Врангеля, занявший выигранные позиции на перевале. Понимая невозможность длительной обороны в создавшейся обстановке, командование русского отряда приняло смелое решение стремительным штыковым ударом сбросить противника с занимаемых им высот. Ставка на неотразимость русской штыковой атаки оказалась верной. Ожесточенная рукопашная схватка завершилась полной победой 3,5 тыс. русских, поддержанных активными действиями местных ополченцев. Противник в панике бежал с перевала, и до Баязета добралось не более 2 тыс. человек. Таким образом, результатом сражения, оказавшего огромное влияние на настроение местного населения, явилось почти полное уничтожение Баязетского корпуса турок{13}.

Исход сражения на перевале позволил активизировать действия 18-тысячного соединения русских войск под командованием генерала В.О. Бебутова, долгое время стоявшего в бездействии между Александрополем и Карсом, в 15 км от сильно укрепленного лагеря главного, 60-тысячного корпуса турок. Наступление было назначено на 5 августа. По случайному совпадению в тот же день из лагеря выступили и турки, которыми командовал англичанин Р. Гюйон. Последний, разделив силы на три равные колонны, рассчитывал обойти русский отряд с флангов, окружить его и уничтожить. Хорошо налаженная разведка позволила разгадать планы противника, и Бебутов принял решение разгромить врага по частям. План был блестяще реализован. Вначале русские войска основной удар направили против правого крыла турецких войск. После неоднократных ожесточенных рукопашных схваток противник на этом участке сражения был обращен в бегство. Части русского левого фланга пришли на помощь своим товарищам в центре, где яростные атаки врага сдерживались активной маневренной обороной. Завязалась рукопашная схватка, и турки вновь не выдержали штыкового боя: побросав оружие, они обратились в беспорядочное бегство. Затем русские войска всеми наличными силами нанесли сокрушительный удар по левому флангу противника. Было захвачено 15 орудий, взято в плен 2 018 солдат и офицеров турецкой регулярной пехоты, более 3 тыс. солдат осталось на поле боя. Всего в сражении при Кюрюк-Дара турки потеряли убитыми, ранеными, пленными и дезертировавшими свыше 20 тыс. человек. Потери русских составили 3 тыс. убитыми и ранеными{14}.

4. Попытки блокады с моря.

Несколько ранее описываемых событий (22 апреля 1854 г.) подверглась обстрелу союзной эскадры Одесса. Одесский порт – главные торговые ворота России на юге – был слабо укреплен: 6 прибрежных батарей насчитывали всего 40 крепостных орудий, гарнизон города состоял из 16 батальонов резервных войск с 50 легкими орудиями -100-. Бомбардировка города началась в 6.30 утра залпом 350 орудий 9 пароходов, к которым позднее присоединился и 84-пушечный винтовой корабль союзников{15}. В завязавшейся перестрелке с кораблями противника особо отличилась 6-я четырех-орудийная батарея прапорщика Щеголева. Под непрерывным перекрестным огнем она в течение 6 часов до последнего снаряда вела неравное единоборство. Меткими выстрелами батарея нанесла значительные повреждения неприятельским судам. Противник был вынужден отказаться от попыток высадить десант в Одессе.

Примерно в то же время союзники активизировали действия на севере страны. Весной

1854 г. в Балтийское море вошла сильная англо-французская эскадра. Не встретив на пути следования русский флот, вражеские корабли в июне беспрепятственно подошли к Кронштадту. Но все наиболее важные стратегические пункты на побережье были защищены мощными береговыми батареями, гарнизоны крепостей усилены дополнительным контингентом войск. Учитывая это, союзники ограничились морской блокадой Кронштадта и в тщетном ожидании выхода русского флота из Кронштадта и Свеаборга занялись грабежом прибрежных рыбацких поселений и рыбацких шхун. В июле 1854 г. командующий английским флотом на Балтийском море адмирал Ч. Непир окончательно утвердился в мнении, что овладеть Кронштадтом и Свеаборгом не удастся. Поэтому союзники приняли решение идти на Аландские острова и захватить Бомарзундские укрепления, работы по строительству которых к 1854 г. были еще далеки от завершения. В недостроенной крепости имелось 112 орудий с 80 снарядами на каждое, ее гарнизон состоял из 2 175 человек, но под ружьем находилось всего 1 600.

26 июля к английской эскадре Непира присоединились французские корабли с 11-тысячным десантом, и 2 августа союзники начали высаживаться на остров. Положение маленького гарнизона крепости, по существу, было безвыходным. Но, несмотря на это, защитники крепости 9 дней удерживали свои позиции; гарнизон не желал сдаваться, пока сохранялась малейшая возможность для отпора. Лишь после того, как в бой вступили новые корабли союзников, обстреливавшие крепость из орудий крупного калибра, и подошли к концу запасы снарядов, начальник гарнизона генерал Я. Бодиско отдал приказ прекратить сопротивление. Оценивая «победу» союзников, одна из бельгийских газет писала: «В Бомарзунде побеждены 2000 русских, но нельзя... скрыть, что на них напали 20 000 французов и англичан и что 400 пушек флота и двух армий восторжествовали над недостроенной казармой»{16}.

В целом неудачными оказались действия английского флота и против отдельных пунктов на Белом и Баренцевом морях, хотя блокадой побережья весной 1854 г. союзникам удалось прервать связь России с другими странами по Северному морскому пути{17}. Объектом нападения на Белом море англичане избрали Соловецкий монастырь. В течение двух дней, 18 и 19 июня, монастырские сооружения подвергались усиленному обстрелу двух паровых 60-пушечных фрегатов «Бриск» и «Миранда». Монахи и население острова, проявив стойкость и присутствие духа, открыли ответный огонь{18}. Девятичасовая бомбардировка не нанесла существенных повреждений монастырским сооружениям, не было и человеческих жертв. Англичане так и не решились высадить десант и 20 июля отбыли восвояси. Месяц спустя беспощадной бомбардировке подвергся небольшой городок Кола на Баренцевом море. 22 августа к городу подошел английский корвет и потребовал немедленной капитуляции. Гарнизон Колы, состоявший из 70 солдат инвалидной команды и нескольких сотен добровольцев из числа местных жителей, ответил решительным отказом. Англичане приступили к методичной 28-часовой бомбардировке городских строений. Обстрел Колы раскаленными ядрами и зажигательными гранатами привел к многочисленным пожарам, и в результате почти весь город сгорел. Попытка англичан высадить десант была отражена дружными самоотверженными действиями инвалидной команды и жителей города. Действия англичан против Колы -101-, равно как и против Соловецкого монастыря, трудно поддаются объяснению. Этот заброшенный городок на далеком Севере не имел ни стратегического, ни экономического значения. Впрочем, надо полагать, что вести о «победах» ласкали слух

английского обывателя и в немалой степени способствовали раздуванию шовинистического угара в стране.

Более серьезные намерения союзники обнаружили на Тихом океане. 25 июля с Сандвичевых островов в направлении к Камчатке отплыла союзная эскадра в составе 6 кораблей (в том числе 1 пароход), вооруженных 204 орудиями и с 2 500 человек экипажа и морской пехоты на борту. Во главе эскадры стоял английский адмирал Д. Прайс. 29 августа эскадра подошла к Петропавловску, гарнизон которого насчитывал около 900 солдат и матросов. На 3 береговых батареях, охранявших вход в Авачинскую бухту, имелось 19 орудий. 56 пушками были вооружены стоявшие в бухте фрегат «Аврора» и транспорт «Двина». Первому обстрелу город и его укрепления подверглись вечером в день прибытия эскадры. Следующего нападения ожидали на другой день, однако самоубийство Прайса, последовавшее после рекогносцировочного осмотра им укреплений порта и подступов к нему, расстроило планы союзников. «Было ясно, писал Е. В. Тарле, что Прайс покончил с собой, отчаявшись в надежде взять Петропавловск»{19}. Принявший командование французский адмирал де Пуант приказал 31 августа открыть огонь по русским батареям. После ожесточенного обстрела противнику удалось занять далеко выдвинутую от порта батарею № 4. Остальные батареи успешно отбивались от наседавшего противника и нанесли повреждение 50-пушечному фрегату «Президент». Этим событием завершился второй день обстрела. С новой силой обстрел укреплений порта начался на следующий день, когда 6 фрегатов противника открыли огонь по батареям на Сигнальном мысу и Красном Яре. 80 пушек левого борта трех вражеских судов в течение 1,5 часа непрерывно обстреливали батареи. Укрепления были разрушены, орудия выведены из строя, орудийная прислуга под натиском 600 солдат вражеского десанта отошла к батарее № 2. Теперь неприятель весь огонь сосредоточил на этом укреплении, но, несмотря на непрерывный обстрел, ему так и не удалось подавить ответный огонь защитников города, К вечеру бой затих.

Решающее сражение произошло 5 сентября. В этот день союзники, подавив оставшиеся батареи защитников города, высадили десант, заняли возвышающуюся над городом Никольскую гору и открыли штуцерный огонь по городу и судам в гавани. Враг уже торжествовал победу. Но в критический момент боя русские солдаты прибегли к испытанному и неожиданному для противника средству рукопашной схватке. Союзники не выдержали; первыми побежали англичане, Горстке защитников под командованием генерала В.С. Завойко удалось в штыковой контратаке опрокинуть превосходящие силы врага и сбросить его в море. В бою было захвачено знамя вражеского отряда. Между прочим, на поле боя были подобраны кандалы, прихваченные союзниками для того, чтобы заковать плененных защитников города. Численность десанта достигала 900 чел., а с русской стороны в его отражении принимали участие не более 300 человек. Победу, по словам мичмана П. Фесуна из экипажа «Авроры», следует целиком объяснить «беспримерной храбростью, с которой наша лихая команда действовала в сражении на штыках»{20}. «Нужно было видеть, как вели офицеры свою горсть людей в атаку, чтобы понять ту степень бесстрашия, которая овладела русскими»{21}, писал впоследствии другой участник боя. Исход сражения за Петропавловск в конечном счете решили мужество и героизм его защитников, отличное взаимодействие в бою морских экипажей и сухопутных частей, умелое руководство обороной. 8 сентября союзная эскадра отплыла прочь. Русский порт на Крайнем Востоке страны был освобожден от блокады. Предвидя возвращение союзников на следующий год, власти приняли

решение эвакуировать население города, не приспособленного к длительной обороне, в глубь полуострова, а береговые батареи разоружить. По мнению Г.И. Невельского, «как ни блестящи были подвиги защитников Петропавловска, но за недостатком продовольствия их положение в случае -102- войны на Камчатке представлялось безвыходным»{22}. Действительно, в мае 1855 г. в Авачинскую бухту вошли 12 военных кораблей союзников... Убедившись в том, что город оставлен жителями, а батареи разоружены, неприятельские корабли покинули бухту.

5. Начало осады Севастополя.

Англия и Франция вмешались в русско-турецкую войну отнюдь не из желания защитить Турцию. Они преследовали собственные цели. В ноябре 1853 г. лорд Пальмерстон откровенно писал: «Мы поддерживаем Турцию для нашего собственного дела и во имя наших собственных интересов»{23}. Союзники решили напасть на базу Черноморского флота Севастополь. «Взятие Севастополя и занятие Крыма, отмечали в эти дни английские газеты, покроют все издержки войны и предоставят нам выгодные условия мира»{24}. Маршал А. Ж. Сент-Арно хвастливо заявлял; «Лишь только я высажусь в Крыму и бог пошлет нам несколько часов штилю, кончено :я владею Севастополем и Крымом»{25}. Уверенность в легкой победе простиралась столь далеко, что союзники не считали нужным скрывать свои планы. Страницы западных газет были полны сообщений о предстоящей операции. Указывалась и главная цель союзных войск захват Севастополя : Удивительную беспечность проявили в этих условиях лица, непосредственно отвечавшие за оборону южных границ государства. Забыли о Крыме и Севастополе и в Петербурге. Д.А. Милютин писал: непонятно, почему «успокоились и у нас в Петергофе и в самом Севастополе, несмотря на то, что из-за границы продолжали приходить сведения о приготовлениях союзников к большой морской экспедиции»{26}. Принятые меры по укреплению оборонительных сооружений черноморских портов заглохли в стадии межведомственной переписки. Насколько нереальными были представления русского правительства о серьезности надвигающейся опасности, свидетельствует письмо Николая I главнокомандующему военно-морскими и сухопутными силами в Крыму А.С. Меншикову, в котором он выражал мнение, что с прибытием в Крым с Дуная 16-й дивизии с артиллерией, бригадой гусар и конной батареей можно не опасаться высадки союзников. Этих сил, по его мнению, было «более, чем нужно, чтобы заставить их дорого поплатиться»{27}.

В осеннюю непогоду 11 сентября 1854 г. Меншиков писал: «Предположения мои совершенно оправдались, неприятель никогда не мог осмелиться сделать высадку, а по настоящему позднему времени высадка невозможна»{28}. А через два дня он был поставлен перед свершившимся фактом: 89 военных кораблей и свыше 300 транспортных судов англо-французского флота проследовали в направлении Евпатории. В 7 часов утра 14 сентября первые транспорты союзной армии подошли к песчаной косе между озером Сасык и морем в 28 верстах от Евпатории, и час спустя началась высадка. Она проводилась крайне неорганизованно, отсутствовал план высадки и размещения войск на берегу, не были решены вопросы снабжения, не выставлено боевое охранение. Союзники, имевшие смутное представление о численности и местонахождении русской армии, не согласовали также свои действия на случай нападения русских отрядов: проекты английского и французского штабов не совпадали по главным пунктам. Только бездействие и беспечность Меншикова не

позволили русской коннице и артиллерии нанести удар по вражескому десанту в первые же часы его пребывания на крымской земле. К тому же вечером и всю ночь шел холодный дождь, и англичане, не успевшие выгрузить палатки, оставались под открытым небом. У них отсутствовали дрова и пресная вода. «Положение союзников было настолько -103- печально, что они сильно боялись нашего нападения»{29} писал Н Ф .Дубровин .

Но на пустынных евпаторийских пляжах свидетелем приближения и высадки союзной эскадры был лишь разъезд из 5 казаков во главе с лейтенантом Стеценко, адъютантом Меншикова. Русские сухопутные силы и Черноморский фл^т, скованные инертностью высшего командования, предпочитавшего не вмешиваться без указаний царя в ход событий, бездействовали. Между тем тяжело нагруженные транспорты противника представляли отличную мишень для военных кораблей русского флота. Своевременное выступление против союзников необходимо было и потому, что у союзников не существовало общего командования: три армии имели три отдельных штаба, которые составляли планы, вели между собой переговоры, обменивались нотами, посылали меморандумы и «подготавливали каждую военную операцию так, как дипломаты вырабатывают мирный трактат»{30}. Численность высадившейся в Крыму союзной армии достигала 63 тысяч. Их артиллерия насчитывала 134 тюлевых и 114 осадных орудий. Русских войск в непосредственном распоряжении Меншикова числилось 37 500. Кроме того, 13 тыс. войска дислоцировалось в восточной части Крыма. Из 20 тыс. матросов флотских экипажей лишь около 5 тыс. к тому моменту находилось на берегу в Севастополе. Спустя 5 дней после начала высадки противник двинулся на юг и вскоре встретился с передовыми разъездами казаков у р. Альма, где русские войска заняли оборонительные рубежи, преградив дорогу на Севастополь. В рядах русской армии у Альмы насчитывалось не более 35 тыс. человек и 84 орудия, у Сент-Арно 57 тыс. при 112 орудиях{31}. Почти вся союзная армия была вооружена штуцерами, в то время как у русских их имелось не более 1660. Выбранная для обороны позиция проходила по возвышенному берегу реки и была весьма удобной для этой цели. Но при отсутствии у Меншикова общей диспозиции войска были расположены крайне неудачно, и ни один полк не знал конкретной задачи в предстоявшем бою. «Все от солдата до генерала должны были ждать команд Меншикова и механически исполнять их, как это предписывалось николаевскими уставами»{32}. Самоуверенность же Меншикова доходила до того, что накануне сражения он хвастал, что наличными у него силами он отбросит и 200-тысячную армию врага. Чтобы продемонстрировать свое «военное искусство», Меншиков пригласил на поле битвы светских дам, обещая им показать зрелище позорного бегства неприятеля. В полдень 20 сентября первыми вступили в бой французы, находившиеся на правом фланге атакующих. Слева медленно двигались англичане. Французские части неожиданно для себя легко обошли слабо прикрытый фланг русских войск (Меншиков целиком положился на кажущуюся неприступность позиции левого фланга и отрядил сюда всего лишь один батальон егерей), подняли на господствующие высоты две легкие батареи и открыли фланговый огонь по позициям обороняющихся. Участь сражения на этом участке обороны была решена: под угрозой окружения Меншиков отдал приказ левому флангу начать отступление. В центре и на правом фланге русские солдаты успешно отбивали атаки англичан, но вскоре и здесь были вынуждены отступить, израсходовав наличный запас боеприпасов, о своевременном пополнении которых командование не позаботилось. Неоднократные попытки русских перейти в рукопашный бой каждый раз отражались картечью и беглым штуцерным огнем

развернутых батальонов противника. Сказывалось преимущество союзников в боевой технике. Один из участников сражения писал впоследствии, что неожиданно для себя русские встретили в неприятельской армии «обилие штуцеров, открывавших всегда столь губительный огонь и с такого дальнего расстояния, что все наши усилия поразить его напором больших масс войск были тщетны, а между тем при сравнительно слабом вооружении нашей армии это был единственно возможный для нас способ действия»{33}. -104-

Альминское сражение наглядно показало, насколько Россия отставала по уровню вооружения армии от Англии и Франции. Но и в этих заведомо неравных условиях, «несмотря на полное отсутствие руководства, на совершеннейшее отсутствие даже просто толковой и понятной, имеющей хоть тень смысла команды (не говоря уже о плане сражения), офицеры и солдаты сражались с обычным мужеством и держались долго в самых невозможных условиях»{34}. Особенно отличились в бою солдаты Владимирского полка, действовавшие в центре обороны против англичан. Трижды они ходили в рукопашную и в конце концов вынудили врага к беспорядочному бегству. Но русская часть, получив возможность довершить разгром англичан в центре, внезапно была остановлена по непонятному распоряжению командования, не сумевшего развить тактический успех. Участник сражения англичанин А.У. Кинглэк с недоумением вопрошал впоследствии: «Как же случилось, что врагу внезапно вздумалось остановить истребление англичан? Когда остатки нашей штурмующей колонны бежали, как стадо, с холма, почему неприятель не уничтожил их, почему он остановил победоносную колонну владимирцев?»{35}. Бездарность верховного командования в очередной раз не позволила закрепить достигнутое преимущество. Сказалась и устаревшая тактика ведения боя. Русские полки располагались батальонными колоннами по 24 шеренги в глубину, как это было принято во времена Суворова, когда огнестрельное оружие являлось еще не столь совершенным. Теперь же каждый удачный выстрел из нарезных ружей выводил из строя 3-4 и более человек. Тем временем подоспевшая на помощь французская артиллерия и перекрестный штуцерный огонь пришедшего в себя противника вынудили владимирцев отойти на исходные рубежи. Англичане же в составе целой дивизии вновь перешли в наступление. Одновременно с фланга показались части французской пехоты, завершавшие обход русских позиций слева. Угроза окружения полка вынудила его к отступлению. Смертью храбрых пали 1 300 владимирцев. Но и потери противника были чувствительными. После боя герцог Кембриджский воскликнул: «Еще одна такая победа, и у Англии не будет армии»{36}. Лондонские газеты, отмечая стойкость русских солдат, писали: они «дрались в деле при Альме с невыразимой храбростью. Даже те, которые падали на землю тяжело раненные, еще употребляли в дело свое оружие, как скоро замечали приближение неприятеля»{37}.

Бой закончился в шестом часу вечера, когда по приказу Меншикова русские части отступили по всему фронту. Но если, по словам Ф. Энгельса, во время отступления «русская пехота сохранила присутствие духа и спокойствие, сам Меншиков был в полной панике»{38} и вместо того, чтобы после выхода из боя распорядиться прикрыть подступы к Севастополю, отвел войска к югу, за город. Союзники, однако, не воспользовались представившейся возможностью войти на плечах отступавшей русской армии в практически не защищенный с суши Севастополь. Трудно понять, чем объяснялась такая нерешительность Сент-Арно и командующего английской армией Ф.Дж. Раглана. Видимо, сказались отсутствие единомыслия у них, большие потери, понесенные союзниками в сражении у Альмы,

отсутствие точных сведений о численности русских войск в Крыму. Не могли они сбросить со счетов и проявившиеся в этом бою храбрость и стойкость русских солдат. Возможно, сказалось и то, что сухопутная армия союзников не рисковала отрываться от своего флота, поддерживавшего ее артиллерией и обеспечивавшего продовольствием и снаряжением. Севастополь в те дни был спасен. В.А. Корнилов записал в дневнике: «Должно быть, бог не оставил еще России. Конечно, если бы неприятель прямо после Альминской битвы пошел на Севастополь, то легко бы завладел им»{39}. Полна сарказма дневниковая запись А.Ф. Тютчевой от 24 сентября: «Вот 30 лет, как Россия играет в солдатики, проводит время в военных упражнениях и парадах, забавляется смотрами, восхищается маневрами. А в минуту опасности она оказывается захваченной врасплох и -105- беззащитной. В головах этих генералов, столь элегантных на парадах, не оказалось ни военных познаний, ни способности к соображению. Солдаты, несмотря на свою храбрость и самоотверженность, не могут защищаться за неимением оружия и часто за неимением пищи»{40}.

Отброшенная от Альмы русская армия после трехдневного пребывания в Севастополе покинула по приказу Меншикова город, где остались жители, флот и небольшой гарнизон. После ряда бесцельных передвижений Меншиков с армией наконец стал на р. Каче, под Бахчисараем. Это, по его мнению, должно было создать угрозу флангу и тылу противника в случае наступления его на Севастополь. А в это время защитники Севастополя во главе с вице-адмиралами В.А. Корниловым, П.С. Нахимовым, контр-адмиралом В.И. Истоминым и военным инженером Э.И. Тотлебенем, пользуясь передышкой, ускорили подготовку города к обороне. Все имевшиеся в их распоряжении силы и средства были брошены на постройку земляных укреплений. Небывалый патриотический подъем охватил жителей города. По свидетельству Тотлебена 1500 человек круглосуточно были заняты на оборонительных работах{41}, и Северная сторона быстро опоясывалась оборонительными сооружениями. В этих условиях Сент-Арно и Раглан отказались от рискованного, с их точки зрения, штурма Северной стороны без поддержки своего флота, и, пока Меншиков отсиживался под Бахчисараем, армия союзников обошла Большую бухту, переправилась через Черную речку у Инкермана, заняла те самые позиции, которые накануне оставил Меншиков, и приступила к осаде Южной стороны города. По словам французских исследователей, «главная ошибка кампании исполнилась»{42}.

К. Маркс в статье «Ретроспективный взгляд на Крымскую кампанию» заметил, что «пресловутый «фланговый марш на Балаклаву» был отказом от нападения на Северную сторону крепости. Но эта сторона является господствующей и потому представляет решающий пункт; Северное укрепление — ключ к Севастополю. Союзники, следовательно, отказались от более смелого и потому фактически сулящего успех нападения, чтобы обеспечить себе прочное оборонительное положение»{43}. Такое же мнение высказал и Н.И. Пирогов. «Дурачье не поняли этого, со свойственной ему откровенностью писал он, после хвастались в газете описанием глупого и трудного марша с севера на юг, который спас город. Глупому крику гусей был одолжен Рим спасением, глупому маршу англо-французов Севастополь»{44}. Фланговый марш Раг-лана из Альмы на Балаклаву означал «открытое признание экспедиционными войсками своей неспособности выполнить то, что было записано в их плане окончательный захват и оккупация Севастополя»{45}. Расположившись против южной части города, союзники гарантировали себя от флангового обхода русскими войсками и обеспечили возможность бесперебойной и безопасной связи с флотом. Северная сторона

Севастополя осталась открытой, и это давало возможность его гарнизону в течение всей осады поддерживать свободное сообщение с Центральной Россией. Через Северную сторону осажденные получали подкрепления, продовольствие, боеприпасы, вывозили раненых и т.д. Это имело решающее значение для успешного отражения попыток противника овладеть городом. «Главным источником силы Севастополя, писал Н.Г. Чернышевский, было то, что он через свою Северную сторону оставался совершенно открыт всем подвозам и подкреплениям»{46}. Ф. Энгельс отмечал, что в этих условиях ставить задачу овладения Южной стороной города, «даже не попытавшись окружить Северную, которая полностью господствует над Южной стороной, значит совершенно пренебрегать всеми правилами ведения войны...». По его заключению, -106- «в этой и без того странной войне данная осада является одним из наиболее странных моментов»{48}.

25 сентября 1854 г. англо-французская десантная армия, так и не решившись на немедленный штурм города, проложила первые метры траншей, приступив к «правильной» осаде крепости. Началась героическая оборона Севастополя. Воспользовавшись вторичной ошибкой союзников, русское командование приняло энергичные меры к укреплению Севастополя с Южной стороны. Э.И. Тотлебен, В.П. Ползиков, А.В. Мельников — одни из самых талантливых специалистов России той эпохи приступили к претворению в жизнь плана создания непрерывной цепи укреплений вокруг Южной стороны. Благодаря самоотверженному труду десятков тысяч солдат, матросов и горожан Севастополь быстро был опоясан бастионами, на которых защитники города разместили снятые с кораблей орудия. В результате «прежде, чем были установлены осадные орудия (союзников. М.Р.), открытый город уже превратился в первоклассный укрепленный лагерь»{49}. Всего с 26 сентября до дня первой бомбардировки города (17 октября) на Южной его стороне было возведено более 20 батарей. Количество орудий увеличилось до 341{50}. Строительство укреплений осуществлялось в соответствии с идеями замечательного русского инженера, практика и теоретика А.З. Теляковского, автора оригинальных трудов по фортификации. В противоположность традиционным методам сооружения крепостных укреплений, последние основывались в Севастополе на передовых принципах фортификационного искусства и возводились с максимальным учетом особенностей местности и тактических задач обороны. Это обстоятельство сыграло важную роль при защите города. «Неправильность линий защиты, писал в этой связи Ф. Энгельс, вместо того, чтобы дать британским инженерам простор в применении их изобретательных способностей, лишь сбивала с толку этих джентльменов, которые умеют по всем правилам искусства сломить фронт регулярных бастионов, но ужасно теряются каждый раз, как неприятель отступает от принципов, предписанных признанными в данном вопросе авторитетами»{51}. Необходимо помнить и о творческой инициативе черноморских моряков, ставших душой севастопольской обороны, ибо их усилиями возводились почти все основные оборонительные сооружения. Их сознанию, не скованному шаблонными стереотипами решений сухопутных инженеров, были чужды педантизм, догматизм, и это обстоятельство приводило к поразительным результатам, вызывая к жизни новые способы укрепления оборонительных позиций.

Общий взгляд на комплекс мер, принятых для отражения наступательных действий сильного противника, дает специалистам основание утверждать, что «до Севастопольской обороны в истории войн не было примера столь полной, быстрой и организованной подготовки базы к обороне в условиях, когда противник находился в нескольких милях от

среднего края»{52}. Это стало возможным благодаря исключительно высокому моральному духу, стойкости и мужеству, неиссякаемой энергии защитников Севастополя и огромному организаторскому таланту, инициативе и военным знаниям первых руководителей его обороны В.А. Корнилова, П.С. Нахимова, В.И. Истомина, Э.И. Тотлебена. Однако, несмотря на принятые меры и колоссальные усилия гарнизона и жителей города, оборонительные сооружения Южной стороны в целом были все же далеки от совершенства. 27 сентября В.А. Корнилов, фактически руководивший обороной, писал: «Наши дела улучшаются, инженерные работы идут успешно. Укрепляемся, сколько можем, "но чего ожидать с таким клочком войска, разбитого на огромной местности, при укреплениях, созданных в двухнедельное время... С раннего утра осматривал войско на позиции: 6 резервных батальонов и 15 морских из матросов; из последних четыре приобучены порядочно, а остальные и плохо вооружены, и плохо обучены... Чтобы усилиться, формируем еще команду из обоза. Может завтра разыграться история. Хотим биться донельзя...»{53}. -107-

6. Героические будни защитников города.

Наступило утро 17 октября 1854 года. В тот день союзники предприняли первую попытку бомбардировки города и с суши и с моря, надеясь овладеть Севастополем посредством ускоренной атаки. Интенсивный обстрел продолжался весь день. Однако его результаты оказались не столь обнадеживающими для осаждавших. Подтвердилось мнение о неприступности крепости с моря: огонь неприятеля с кораблей, имевших восьмикратное превосходство по числу орудийных стволов над русскими приморскими батареями, не причинил им вреда. Более того, в результате ответного огня флот союзников, по отзывам самих французов, был «принужден отступить, потерпев чувствительные потери и важные повреждения»{54}. Иначе обстояли дела на суше, особенно в районе 3-го бастиона. К концу обстрела этот бастион практически перестал существовать, его укрепления были уничтожены. В живых осталось не более 10 чел. орудийной прислуги при 2 (из 22) чудом уцелевших пушках. Но на следующий день перед изумленным противником предстал новый бастион, с новыми орудиями. «Защита русских, замечает в связи с этим Ф.Энгельс, сильно отрезвила победителей в сражении на Альме. На место каждого выведенного из строя орудия в дело вводилось новое. Каждая амбразура, разрушенная в течение дня неприятельским огнем, восстанавливалась за ночь»{55}.

Артиллерийская дуэль показала, что Севастополь одной бомбардировкой врагу не одолеть. Артиллерия защитников, по свидетельству самого противника, «не переставала отвечать нам на всех пунктах, с деятельностью и легкостью, которые удивили нас». По признанию французов, на отдельных их батареях орудийная прислуга полностью истреблялась до 10 раз{56}. Умелая организация обороны, когда огонь русских батарей в отличие от вражеских, обстреливавших одновременно всю северо-восточную оборонительную линию, последовательно сосредоточивался на определенных объектах, привела к тому, что спустя несколько часов после начала обстрела русские артиллеристы «заставили замолчать огонь французских батарей и в течение всего дня вели почти равный бой с английскими батареями»{57}. Тактика маневрирования артиллерийским огнем, примененная П.С. Нахимовым еще в Синопском сражении и являвшаяся достаточно новым словом в военном искусстве, оказалась столь же эффективной и в боях на суше. Но достигнутый успех дался защитникам города дорогой ценой: на Малаховом кургане погиб адмирал Корнилов, душа

всей обороны Севастополя. Значительные повреждения были нанесены оборонительной линии. Однако среди защитников города сохранялась решимость отстоять его. «Дух в войсках выше всякого описания, писал из Севастополя Л.Н. Толстой. Во времена древней Греции не было столько героизма. Корнилов, объезжая войска, вместо: «здорово, ребята!», говорил: «нужно умирать, ребята, умрете?», и войска отвечали: «умрем, в [аше] п[ревосходительство], Ура!» И это был не эффект, а на лице каждого видно было, что не шутя, а **взаправду**»{58}. Уже для начального этапа обороны Севастополя было характерно проявление солдатами и матросами массового героизма. По донесению вице-адмирала Ф.М. Новосильского, несмотря на приказ об отправлении на отдых нижних чинов, действовавших на батареях день и ночь, они отказывались от смены, «изъявляя готовность защищаться и умереть на своих местах». Так было на 4-м бастионе, куда даже офицеры для дежурства назначались по жребью{59}. По свидетельству Л.Н. Толстого, в то же время «рота моряков чуть не взбунтовалась за то, что их хотели сменить с батареи, на которой они простояли 30 дней под бомбами»{60}. Артиллерийский обстрел не прекращался и после 17 октября, и это стало как бы неотъемлемой частью жизни города, словно будничным делом. В «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстой рисует обычное утро осажденных: «Сходите на бастионы -108- , посмотрите защитников Севастополя на самом месте защиты... вы увидите там... ужасные и грустные, великие и забавные, но изумительные, возвышающие душу зрелища... Главное, отрадное убеждение, которое вы вынесли, это убеждение в невозможности взять Севастополь и не только взять Севастополь, но и поколебать где бы то ни было силу русского народа, и эту невозможность видели вы не в этом множестве траверсов, брустверов, хитро сплетенных траншей, мин и орудий..., но видели ее в глазах, речах, приемах, в том, что называется духом защитников Севастополя. То, что они делают, делают они так просто, так мало-напряженно и усиленно, что, вы убеждены, они еще могут сделать во сто раз больше... они все могут сделать... Вы ясно поймете, вообразите себе тех людей, которых вы сейчас видели, теми героями, которые в те тяжелые времена не упали, а возвышались духом и... готовились к смерти, не за город, а за родину»{61}. В сознании матросов, солдат, лучшей части офицерства, жителей Севастополя это был не просто город, в нем была для них вся родная страна.

Спустя восемь дней после первого общего артиллерийского обстрела Севастополя Меншиков, опасаясь повторения попытки союзников овладеть городом, решил произвести отвлекающий маневр наступление на базу английской армии под Балаклавой. Балаклавское дело, в целом удачное, не изменило, однако, положения осажденного города. Непредвиденные события под Балаклавой нарушили планы англо-французов, и подготовка к новой бомбардировке и штурму Севастополя была завершена лишь в ноябре. К этому времени союзники значительно усилились за счет прибывших подкреплений и насчитывали в своих рядах более 70 тыс. человек. В распоряжении Меншикова, по одним данным, было 107 тыс., по другим 82 тыс. человек {62}. Превосходство в силах вынудило русского главнокомандующего решиться на наступательные действия. Главный удар предполагалось нанести в начале ноября на стыке двух корпусов англичан по стоявшей на крутых скатах Сапун-горы примерно 4-тысячной дивизии Л. Ивэнса и расположенной вблизи нее дивизии Д. Кэткарта той же численности. В случае успеха операции русские войска вышли бы в тыл обоих корпусов, угрожая разгромом их поодиночке. Надежды на успех были основательными:

против дивизии Л. Ивэнса Меншиков выделил 35 тыс. чел. пехоты, но командование ими было предоставлено Даниенбергу, тому самому, что упустил победу в бою при Ольтенице. Теперь этому генералу помогли проиграть сражение сам Меншиков, практически устранившийся на время боя от выполнения функций главнокомандующего и занявшийся опекой прибывших на театр военных действий сыновей Николая I, и П.Д. Горчаков (родной брат главнокомандующего Южной армией), не осмелившийся ввести в бой 22-тысячный отряд в ту решающую минуту сражения, когда «русская победа, по словам англичан, в день Инкермана являлась уже почти совершившимся фактом»{63}. В ходе боя был момент, когда англичане, не выдержав штыковых ударов с фронта и с флангов, «дрогнули на всех пунктах и отступили среди полного беспорядка»{64}. Английская армия, по словам очевидцев-англичан, «была уже на волоске, едва держалась»{65}. Корреспондент газеты «Times» писал, что «в Инкерманской битве нет ничего для нас (англичан. М.Р.) радостного. Мы ни на шаг не продвинулись ближе к Севастополю и потерпели страшный урон... (русские. М.Р.) атаковали нас с невероятной силой и решимостью», в рукопашном бою «дрались прикладами, когда ломался штык, даже кулаками, когда приклады разлетались на части, и камнями, когда не оставалось никакого другого оружия». Корреспонденты других западных газет приводили поражающие их примеры мужества, проявляемые русскими воинами. Они описывали подвиг матроса Михаила Мартынюка, с риском для жизни вырвавшего фитиль из бомбы, упавшей в пороховой погреб; восхищались отвагой двух безымянных матросов, своими телами накрывших горящий фитиль бомбы, готовой взорваться на их батарее, и т.д. {66}. -109-

Французские военачальники также отмечали, что русские войска сражались превосходно и, по их словам, день Инкерманского сражения «кончился бы совершенным поражением англичан, следствием которого было бы снятие осады», если бы «не безобразные, хаотические, путаные распоряжения начальства»{67}, спасшие союзников от великой катастрофы. Русское командование вновь проявило беспомощность в решении возникавших в ходе боя тактических задач и ограничилось организацией силового давления на позиции противника. Хотя густые колонны русских полков, двигавшиеся на ограниченном пространстве, исключавшем возможность широкого маневра, создавали отличные условия для опустошительного действия прицельного огня штуцерников и пушек противника, план предстоявшего сражения в целом был задуман правильно и, по оценке К. Маркса, «имел преимущество перед планом союзников»{68}. Но его выполнение на деле вследствие вопиющей несогласованности действий А.С. Меншикова, П.П. Липранди, П.Д. Горчакова и командиров двух ударных колонн Ф.И. Соймонова и П.Я. Павлова закончилось неудачей. Двум последним был известен лишь общий план операции; подробная диспозиция боя отсутствовала вообще. Более того, план Меншикова во многом расходился с последовавшими затем распоряжениями Данненберга. В результате почти половина войск, выделенных для участия в сражении, так и не вступила в бой. К тому же в ходе его выявилось отсутствие связи между двумя ударными колоннами, незнание командирами отрядов местности и т.д. Все это не могло не привести к поражению русских войск. Огромными были потери: из строя выбыло убитыми и ранеными до 12 тыс. человек. Урон союзников, лишившихся в этом бою пяти своих генералов, был меньшим, но вторично им таких потерь «было не выдержать». К. Маркс писал, что «ни разу еще со времени Нарвской битвы русское оружие не испытало такой

неудачи», хотя «русские проявили в сражении личное мужество»{69}. И союзники вынуждены были признать, что поражение не повлияло на моральное состояние русских войск; их «отступление совершилось в величайшем порядке»{70}.

Несмотря на неудачный исход Инкерманского сражения для русской стороны, оно поставило в тяжелое положение и союзные войска, в особенности английскую армию. Последняя настолько была обескровлена и измотана, что уже не являлась сколько-нибудь активной боевой силой. По сообщениям лондонских газет, в частных письмах из Крыма положение дел изображалось «самыми мрачными красками»: в английском лагере царили недовольство и безнадежность, и эти настроения проникали также в среду французских солдат{71}. К тому же ноябрьские бури нанесли значительный урон союзному флоту. В войсках захватчиков вспыхнула эпидемия холеры, свирепствовала дизентерия. В союзной армии участились случаи дезертирства. К концу года в Крыму насчитывалось не более 50-55 тыс. французов, англичан и турок. В этих условиях союзникам было уже не до штурма Севастополя, приходилось думать о подготовке к зиме. Война приобретала затяжной характер. Оценивая сложившуюся обстановку, новый французский главнокомандующий Ф. Канробер заявил: «Мы более не осаждающие мы осажденные»{72}. После Инкерманского сражения союзники в основном занимались укреплением своих позиций со стороны Балаклавы, воздвигали редуты, копали траншеи. И, естественно, в эти дни Севастополь обстреливался слабо. Наступило удобное время для нанесения решающего удара по деморализованному и полуголодному противнику. Это было тем более возможно, что у русской армии к данному моменту имелось двойное превосходство в живой силе. Однако Меншиков бездействовал. После неудачи под Инкерманом он потерял всякую надежду на возможность удержать Севастополь. Николай I и Меншиков втайне уповали на то, что союзники с наступлением зимы сами покинут берега Крыма. Этим чаяниям не суждено было сбыться. Для правящих кругов Англии и Франции вывод войск из Крыма в условиях, когда в войне не достигнут решительный успех, был чреват опасными последствиями при крайней напряженной внутривосточной обстановке в обеих странах. -110-

Между тем время шло. Подходящий момент для наступления русской армии был упущен. Вскоре началось бездорожье. Связь с Севастополем парализовалась, прекратилась доставка фуража, продовольствия, боеприпасов и снаряжения{73}. Неслыханные размеры приняло казнокрадство. Солдаты гибли от холода, голода, ран и болезней. В декабре 1854 г. январе 1855 г. к союзникам прибыли подкрепления: 30 тыс. французов, 10 тыс. англичан, 35 тыс. турок; 15 тыс. солдат выставило Сардинское королевство сателлит Франции. Противник вновь обрел численное превосходство и стал постепенно активизировать свои действия. Тем не менее, несмотря на бездеятельность русского верховного командования, оборона Севастополя даже в самые тяжелые дни отличалась высокой боевой активностью его защитников, совершавших бесчисленные ночные вылазки в стан противника. Русские пластуны выводили из строя живую силу и технику неприятеля, захватывали пленных, разрушали траншеи. Особенной известностью среди защитников города пользовались матросы Петр Кошка и Игнатий Шевченко, солдат Афанасий Елисеев, боцман Алексей Рыбаков, мичман Титов, лейтенанты Астапов, Н.А. Бирюлев, Перекомский. Героический подвиг совершил матрос Шевченко, закрывший грудью во время одной из вылазок отрядного командира и ценою своей жизни спасший его от смерти{74}. Впрочем, эти герои отнюдь не

исключение. Их подвиги лишь наиболее яркие примеры массового героизма, проявленного в дни Севастопольской обороны.

Ночные вылазки небольших отрядов и групп пластунов чередовались с крупными операциями защитников города, когда одновременно в деле участвовало несколько батальонов пехоты. Парижские газеты сообщали, что «осаждающие вынуждены день и ночь быть на ногах от беспрестанных ночных вылазок русских» и что им все труднее обеспечивать безопасность осадных работ по всей 24-верстой длине вырытых ими траншей{75}. Вылазки затягивали осадные работы неприятеля, держали его в постоянном напряжении и делали невозможным результативный штурм Севастополя. «Пока вылазкам не может быть положен конец, писал Ф. Энгельс, всякая мысль о штурме является абсурдной; если осаждающий не в состоянии запереть осажденного в стенах самой крепости, то тем более не может он рассчитывать взять эту крепость в рукопашном бою»{76}. В дни Севастопольской обороны родилась коллективная идея соединения отдельных ложементов в сплошную линию траншей, предоставивших «возможность обстреливать работы атакующего противника картечным огнем из орудий малого калибра, которые, точно так же, как и войска, вполне возможно перемещать с одного пункта на другой»{77}. Тогда же впервые в истории мировой фортификации нашла практическое воплощение идея глубокоэшелонированной обороны. В начале ноября 1854 г. защитники Севастополя в тылу у главной оборонительной линии проложили вторую, а затем и третью, проходившую по самой окраине Южной стороны города. Именно глубина оборонительной позиции в сочетании с отдельными полевыми укреплениями, прикрывавшими ключевые пункты обороны, обеспечила необычайную стойкость Севастополя. В конце ноября 1854 г. французские корреспонденты сообщали, что русские за последние дни «превратили Севастополь в одну из самых страшных оборонительных позиций, когда-либо существовавших»{78}. Примененные тогда позиционные формы вооруженной борьбы позволили оборонявшимся не только сковывать врага, но и проявлять не меньшую активность, чем наступавшие.

В 1855 г. возникла угроза для тылов русской армии со стороны 35-тысячного корпуса Омер-паши, высадившегося в Евпатории. В оценке степени опасности резко расходились во мнениях Николай I и Меншиков. Это не могло не сказаться на действиях генерала С.А. Хрулева, посланного во главе 19-тысячного русского отряда для овладения Евпаторией. Неудача под Евпаторией в феврале произвела тяжелое впечатление на русскую общественность. К тому времени относится такая зарисовка: «Гатчинский дворец мрачен и безмолвен. У всех вид удрученный, еле-еле смеют друг с другом разговаривать... государь с каждым днем делается все более и более удручен»{79}. Николай I был уже морально сломлен сознанием надвигающейся катастрофы. Перед смертью он отстранил Меншикова, уверившегося в том, что «видов к разбитию неприятеля не представляется», и назначил на пост главнокомандующего М.Д. Горчакова. Лучшую характеристику последнему дал Н.И. Пирогов. «На этих днях, писал он, видел две знаменитые развалины Севастополь и Горчакова»{80}.

7. Севастополь отражает атаки.

С воцарением Александра II стали усиленно циркулировать слухи о мире. Но надежды эти оказались преждевременными. Англия и Франция хотели видеть Россию побежденной и

без решительных успехов в войне не желали вести разговора о мире. С наступлением весны оживились военные действия под Севастополем. 9 апреля 1855 г. последовала его вторая 11-дневная бомбардировка. С обеих сторон одновременно действовало до 1 000 орудийных стволов. На некоторых участках противник расположил орудия через каждые 20 шагов. Возвращаясь к событиям зимы второго года войны, следует сказать, что севастопольцы сумели превосходно воспользоваться наступившим затишьем в боях. В течение февраля для защиты ближайших подступов к Малахову кургану были сооружены Волынский и Селенгинский редуты и Камчатский люнет. Новые оборонительные сооружения, возведение которых под самым носом у противника явилось, по определению Ф. Энгельса, «несмываемым позором для англичан и французов»{81}, осложнили действия осаждавших. Армия союзников была вынуждена перейти к обороне, «тогда как первое и основное условие всякой осады заключается в том, чтобы осаждающие поставили в положение обороны осажденных»{82}. Наиболее усиленному обстрелу подвергались именно эти укрепления. Интенсивный огонь велся и по 2, 4 и 5 бастионам, Малахову кургану. Противник рассчитывал непрерывной бомбардировкой разрушить главные укрепления Южной стороны и штурмом овладеть городом. За 11 дней бомбардировки по Севастополю и его защитникам было выпущено 165 тыс. снарядов. Русские войска отвечали только на каждый второй выстрел: не хватало пороха и снарядов. Но это до поры компенсировалось умелой организацией ответного артиллерийского огня, своевременным восстановлением разрушенных укреплений. «Есть оружие, писали французские газеты, которое имеет над французами и англичанами, особенно над французами, большое превосходство, это русская артиллерия & сделавшая большие успехи со времени войн начала столетия... Артиллеристы храбры & прекрасно умеют выбирать наступательные и оборонительные позиции... Мы должны отдать честь их мужеству, энергии и познаниям в оборонительных средствах»{83}. Все это не позволило англичанам и французам, имевшим двойное превосходство в живой силе, пойти на штурм. Они продолжали упорно следовать однажды избранной ошибочной тактике вели одновременный огонь по всей линии оборонительных сооружений, не делая попыток достигнуть решающего успеха в ключевых пунктах обороны. Новая бомбардировка города также не достигла цели. Она «должна была наверняка закончиться феерией общего штурма. Но последовало жалкое фиаско»{84}, писал Ф. Энгельс. Англичане вынуждены были признать, что «огонь русских батарей... не мог быть потушен огнем осаждающего после полугодовой осады и двух бомбардирований, при которых были употреблены все средства разрушений. Севастопольская крепость все еще в состоянии устоять против штурма... должно согласиться также, что в самих работах, на которые опирается оборона, есть нечто новое, нечто такое, что не встречалось -112- еще в истории достопамятнейших осад»{85}. Армия союзников, по определению французских историков, имела «противника, одаренного редчайшими военными качествами, бесстрашного, упорного, не впадавшего в уныние, напротив, после каждого поражения бросавшегося в бой с возросшей энергией»{86}. В итоге командование союзными войсками дважды переносило день решающего штурма, а затем и вовсе отложило его до лета. В Крым потянулись французские резервы. Новый французский главнокомандующий генерал Ж.Ж. Пелисье решил как можно быстрее овладеть Селенгинским и Волынским редутами, Камчатским люнетом, а затем штурмовать Малахов курган, и в дальнейшем не отступал от этого плана.

7 июня началась третья ожесточенная бомбардировка города. Ураганный огонь велся по Малахову кургану и трем выдвинутым вперед укреплениям Камчатскому люнету, Волинскому и Селенгинскому редутам. После более чем суточного непрерывного обстрела, когда редуты были разбиты и орудия смолкли, Пелисье бросил на штурм отборный корпус французских войск. Действиями защитников руководили адмирал Нахимов и генерал Хрулев. В этот день П.С. Нахимов, несмотря на полученную им сильную контузию, лично водил солдат и матросов в штыковую атаку. Нахимов и Хрулев почти постоянно находились на самых опасных участках боя. Но слишком неравны были силы, все острее ощущалось превосходство союзников в вооружении. К тому же буквально накануне ожидаемого штурма по распоряжению Горчакова были значительно ослаблены гарнизоны редутов и люнета. Вместо ранее располагавшихся здесь 8 батальонов осталось всего 2 против 40-тысячного корпуса генерала Боске. Двенадцатикратное превосходство в живой силе позволило противнику к концу дня вытеснить русские войска с передовых укреплений к Малахову кургану. Об упорстве и ожесточенности боев за редуты и люнет можно судить по тому, что только за один день сражения потери воюющих сторон составили около 12 тысяч человек: 5 тыс. у русских и более 6 тыс. у союзников{87}. Потери не остановили противника: он стал готовиться к решающему штурму. По настоянию Пелисье взятие города приурочивалось к 18 июня.

В 4 часа утра 17 июня открыли огонь по городу все французские батареи правого фланга и часть английских орудий. Началась четвертая бомбардировка Севастополя. Канонада продолжалась много часов кряду. Союзники ставили задачу разрушить основные оборонительные сооружения русских, восстановить которые за короткую летнюю ночь, по их мнению, было невозможно. Но они просчитались. По подсчетам Тотлебена, 17 июня союзники имели в своем распоряжении 587 осадных орудий с практически неограниченным запасом зарядов. На 549 русских орудий приходилось последних не более 117 тысяч. Столь же невыгодное соотношение было в живой силе: против 75 тыс. русских союзники выставили 173 тыс. солдат{88}. Положение защитников Севастополя казалось критическим. Штурм начался на рассвете 18 июня. Вопреки намеченному плану одновременному наступлению по всему фронту, правофланговая дивизия генерала Мэйрана двинулась на штурм 1-го и 2-го бастионов раньше срока, делая ставку на внезапность. Но русские обнаружили движение французов, и на подступах к укреплениям их встретил картечный огонь с бастионов и с парохода «Владимир», а затем и с других судов, предусмотрительно выдвинутых Нахимовым к устью Килен-балки. Огромные потери в первые же минуты штурма вынудили французов отступить. Вскоре солдаты Мэйрана, подгоняемые офицерами, вторично бросились в атаку, но в 30-40 шагах от Малахова кургана снова были отброшены назад, поражаемые на пути отступления картечью. Только после этого последовал сигнал к началу общего штурма. Однако, верные своим привычкам, англичане начали атаку позже французов, когда стало ясно, что те терпят жестокий урон. Но и англичан встретил плотный огонь картечи из полевых орудий. По отзывам англичан, «огонь был так страшен, что можно было только опустить голову и бежать как можно быстрее»{89}. Англичане не смогли даже приблизиться к подступам атакованного ими 3-го бастиона. Лишь у Корниловского бастиона французы после неоднократных атак ворвались -113- на батарею П.Л. Жерве и оттеснили защищавший ее батальон Полтавского полка. Создалась непосредственная угроза Малахову кургану. Однако генерал Хрулев организовал атакующий кулак из роты солдат Севского полка, в жестоком рукопашном бою

слобил сопротивление французов, значительная часть которых пала под штыками русских солдат, и с помощью подоспевших шести рот Якутского полка и остатков батальона Полтавского полка вновь овладел батареей Жерве.

На других участках боя союзники успеха не добились, и к 7 часам утра первый с начала осады общий штурм был повсеместно отражен. Союзники потерпели, по словам К. Маркса, **«первое серьезное поражение»** в этой войне{90}. Примененная Пелисье так называемая «система атак», когда войска волна за волной, не считаясь с потерями, шли под убийственный огонь защитников города, не оправдала себя. «Русские были прекрасно подготовлены для встречи с нами, писал один из участников сражения 18июня, Лейсонс, ни одно их орудие не было приведено к молчанию; они все исправили в течение ночи... Это большое поражение... Я не думаю, чтобы нас опять позвали на штурм... в некоторых из наших полков осталось только по два офицера»{91}. Даже по официальным данным, союзники потеряли 7 тыс. чел., в том числе 10 генералов. Отвага, мужество, стойкость и боевое мастерство защитников Севастополя позволили им одержать блестящую победу над прекрасно вооруженным и численно превосходящим их противником. С точки зрения союзников, исход сражения был неожиданным: превосходство в технике, вооружении, живой силе было на стороне осаждавших, силы защитников истощены, в Севастополе все острее ощущался недостаток боеприпасов, только что оставлены имевшие большое значение в стройной системе русской обороны два редута и люнет. Но противник не учитывал значения морального фактора: русский солдат сражался на своей земле против иноземных захватчиков. В момент, когда возникла реальная опасность для России, когда солдаты и матросы встали на защиту своей родины, важнейшую роль приобрел моральный фактор борьбы. Авторы многочисленных книг, дневников, мемуаров, принимавшие участие в боях, писали о том, что энергичная и умелая оборона русских заставляет уважать их, и нельзя поверить тому, что «какое бы ни было большое бедствие может сломить Россию. Это великий народ»{92}. Но, увы, редели ряды защитников Севастополя. Все меньше оставалось опытных артиллеристов. После 18 июня наступило почти двухмесячное затишье; шла обычная перестрелка, делались отдельные вылазки. Англичане и французы были заняты продвижением осадных сооружений к Малахову кургану и к 3-му бастиону, готовились к новому штурму: союзников страшила перспектива еще одной зимовки. Горчаков же в эти месяцы вынашивал планы эвакуации гарнизона города. Наконец, он утвердился в мысли отвести гарнизон Южной стороны по плавучему мосту на Северную сторону Севастополя. В июне начали постройку 900-метрового моста. Гибель 12 июля П.С. Нахимова «хозяина Севастополя», как любовно называли его солдаты и матросы, и ранение Э.И. Тотлебена развязали руки Горчакову. К тому же Александра 11 не нужно было убеждать в «необходимости» эвакуации Севастополя: он давно пришел к мнению о «нецелесообразности» его защиты. Только, в отличие от Горчакова, царь выражал желание дать прежде решающий бой и попытаться заставить неприятеля снять осаду{93}. Так защитникам города был навязан безрассудный план атаки правого фланга союзников на сильно укрепленных Федюхиных высотах.

Операция на Черной речке также была задумана совершенно беспомощно, а исполнение негодного плана сражения было и того хуже. Вновь проявилось отсутствие согласованности в действиях главнокомандующего и командиров двух отрядов генералов Н.А. Реада и П.П. Липранди, а также последних между собой. Вновь давали знать устаревая

тактика наступления в колоннах, нерешительность и привычка к механическому исполнению приказов. В этом сражении «еще раз в полной мере сказалась порочность николаевской военной системы, не соответствовавшей сложившимся -114- условиям боя и не совместимой с творческим восприятием опыта войны»{94}. Дело не могли спасти и беззаветное мужество и отвага русских воинов, которые, по отзывам иностранных авторов, от начала до конца боя вели себя с изумительной стойкостью и героизмом. С особой самоотверженностью дрались солдаты Одесского полка. Несмотря на жесточайший огонь противника, они до последней минуты удерживали занятые ими позиции, прикрывая отход других частей. Лишь после этого они отступили, вынеся с поля боя смертельно раненного командира полка. Русские полки были отброшены значительно превосходящими силами противника. Устрашенный мужеством и отвагой русских солдат, неприятель не решался их преследовать. Но это обстоятельство не могло служить утешением. Проигрыш сражения приблизил бывшее уже неизбежным оставление Южной стороны города.

На следующий день после сражения на Черной речке, 17 августа, союзники начали пятый артиллерийский обстрел города и его укреплений. Основной огонь был сосредоточен на укреплениях Корабельной стороны и на Малаховом кургане. В течение 4 суток непрерывного обстрела по городу было выпущено 56 тыс. снарядов. Защитники Севастополя ответили 29 400 выстрелами. Они берегли снаряды для отражения штурма. 19 августа начальник гарнизона Д.Е. Остен-Сакен известил Горчакова, что запас снарядов в городе подходит к концу. Штаб главнокомандующего распорядился сократить темп стрельбы. Горчаков намеренно не посылал больше подкреплений на Южную сторону, хотя ежедневные потери гарнизона Севастополя во время последних бомбардировок доходили до 2 тыс. и более ранеными и убитыми. Между тем осадные работы не прекращались, и в отдельных местах французские траншеи проходили в 30-40 метрах от русских укреплений. Приближалась развязка... В эти дни Горчаков писал Александру II: «Не предвижу, как дать делу хороший конец.., теперь я думаю об одном только, как оставить Севастополь, не понеся непомерного, может быть, более 20-тысячного урона»{95}. Горчаков решил очистить Южную сторону Севастополя в ближайшие дни и начал переправлять через сооруженный плавучий мост на Северную сторону военное имущество, госпитали, штабы. Однако эвакуация прервалась 5 сентября новой, шестой по счету, общей бомбардировкой города, превосходившей все предшествующие и по числу орудийных стволов и по плотности огня. Ураганный огонь не прекращался весь день и всю ночь. 807 орудий противника за сутки выпустили около 70 тыс. ядер, 16 тыс. бомб и гранат. Редкими выстрелами отвечали 540 орудий защитников города: не хватало зарядов, пороха, не успевали заменять орудийную прислугу. Особенно сильному обстрелу вновь подвергся Малахов курган. Один из очевидцев бомбардировки писал впоследствии: «Чтобы составить представление о ней, нужно находиться в сфере адской катастрофы, нужно лично испытать... зрелище тысячи смертей, готовых поглотить вас каждое мгновение... Но смерть... не могла смутить бесстрашных воинов Севастополя, с хладнокровием и беззаботностью людей, отрешившихся от всего земного, трудились матросы около орудий, отвечая на выстрел выстрелом и тут же отпуская острое словцо при виде неприятельской бомбы& готовой разорваться среди них»{96}. К первой декаде сентября оборонительная линия левого фланга была серьезно разрушена. Укрепления Малахова кургана со стороны линии фронта были почти полностью срыты, ров

засыпан. 2-й бастион также представлял одни развалины. За три дня противник произвел более 150 тыс. выстрелов из орудий, погибло 7 560 защитников города. По свидетельству Тотлебена, ко дню последнего штурма все главные укрепления были разрушены, «артиллерия постоянно была приводима в невозможность действовать, а неприятель находился в нескольких шагах, так что он в одну или в две минуты мог добежать до рва, большей частью полузасыпанного, и вскочить на вал»{97}. И вот наступило хмурое утро 8 сентября. Защитники Севастополя были утомлены бессонной ночью: накануне ждали штурма. Но он так и не последовал. Противник с раннего утра открыл жесточайший артиллерийский огонь. Союзники вели также -115- прицельный штуцерный огонь из траншей. Потери гарнизона только за утренние часы составили 2 тыс. человек. К полудню обстрел внезапно прекратился. Часть гарнизона приступила к обеду, многие солдаты уснули. И как раз в это время начался штурм.

Внезапность сыграла определенную роль при штурме ключевого оборонительного сооружения Малахова кургана :защитники его смогли сделать всего по выстрелу картечью из 6 уцелевших орудий. Французские солдаты 25-тысячного корпуса генерала Боске в считанные мгновения преодолели сорокаметровое пространство между двумя линиями траншей и устремились на валы укреплений. Завязался ожесточенный рукопашный бой. Несмотря на самоотверженность и героизм защитников Малахова кургана, сказалось неравенство сил. Против 9 тыс. русских (вместе с резервами, которые в момент обстрела были выведены во вторую линию обороны и поэтому не смогли принять участия в отражении штурма в первые же минуты) французы сосредоточили более 25 тысяч. Всего для штурма союзники выделили более 60 тыс. человек{98}. В первые его минуты основной удар приняли на себя 400 солдат Модлинского полка. Они до последнего человека героически сражались с 6 тыс. солдат дивизии Мак-Магона, пытаясь удержать курган до подхода резервов. Подоспевшие на помощь Прагский, а затем Замосцкий полки атаковали противника столь стремительно и с такой решимостью, что едва не сбросили его с Малахова кургана. Но сказалось численное превосходство французов. Несколько французских батальонов обогнули укрепления с левого фланга и появились в тылу защитников кургана. В бой вступали все новые и новые колонны штурмующих, остаткам трех русских полков удавались отдельные контратаки, но удержать укрепления перед лавиной французов они были не в состоянии. Продолжали оказывать героическое сопротивление 30 солдат Модлинского полка, засевшие в развалинах башни на Малаховом кургане. Попытки французов ликвидировать их не имели удачи. Лишь после того, как у модлинцев иссякли боеприпасы, они вынуждены были прекратить сопротивление.

Между тем на помощь защитникам Малахова кургана подошли главные силы русских во главе с Хрулевым. Но неоднократные попытки отбить курган у врага не привели к успеху. Сказалась особенность конструкции сооружений Малахова кургана. Дело в том, что бастион замкнутое укрепление, и единственный узкий вход в него (горжа) с тыла прикрывался глубоким рвом и высоким насыпным валом. Подходы к горже хорошо простреливались через амбразуры тыловой части укрепления. К тому же французы успели поднять на курган несколько легких полевых орудий и стали расстреливать колонны контратакующих в упор. Русское командование вынуждено было отказаться от попыток выбить французов с Малахова кургана. Впрочем, это был первый и последний успех союзников в этот день. Из 12 атак

неприятеля в разных пунктах 11 были отражены с большими потерями для него. Первоначально успешной была атака союзников на 2-й и 3-й бастионы: внезапность штурма позволила им овладеть этими укреплениями. Но ненадолго. Подоспевшие русские резервы энергичной контратакой обратили англичан и французов в бегство. Как и раньше, неоценимую помощь в отражении общего штурма, и в особенности атаки на 2-й бастион, оказали подтянутые к южному берегу Большой бухты корабли Черноморского флота «Херсонес», «Одесса», «Владимир». Особых похвал заслужили действия экипажа фрегата «Владимир» под командованием известного впоследствии адмирала Г.И. Бутакова.

Неудачей закончился и штурм укреплений Городской стороны. В три часа дня противник, осознав тщетность дальнейших попыток сломить сопротивление защитников Севастополя, повсеместно прекратил активные действия. Тщательно подготовленный общий штурм города и на этот раз не привел к успеху. Однако потеря Малахова кургана решила судьбу Севастополя.

8. Завершение обороны и конец войны.

В 4 часа дня 8 сентября 1855 г. войска получили приказ взорвать укрепления и склады и подготовиться к переходу на Северную сторону. В 7 часов вечера 8 сентября началась переправа. Это было настолько неожиданно для союзного командования -116-, что первому сообщению об эвакуации русской армии в штабе Пелисье не поверили. В обстановке, когда все севастопольские укрепления, кроме Малахова кургана, оставались в руках защитников города, у союзного командования не было уверенности в конечном успехе дня, и оно не сомневалось в возобновлении сражения на другой день. Но все эти опасения были разрешены приказом Горчакова покинуть Южную сторону Севастополя.

Впечатляющую картину событий драматической ночи нарисовал Л.Н. Толстой в заключительном очерке «Севастопольских рассказов»: «По всей линии севастопольских бастионов, столько месяцев кипевших необыкновенной энергической жизнью, столько месяцев видевших сменяемых смертью, одних за другими умирающих героев, и столько месяцев возбуждавших страх, ненависть и наконец восхищение врагов, на севастопольских бастионах уже нигде никого не было. Все было мертво, дико, ужасно, но не тихо: все еще разрушалось. По изрытой свежими взрывами обсыпавшейся земле везде валялись исковерканные лафеты, придавившие человеческие русские и вражеские трупы, тяжелые, замолкнувшие навсегда чугунные пушки..., бомбы, ядра, опять трупы, ямы, осколки бревен, блиндажей, и опять молчаливые трупы в серых и синих шинелях. Все это часто содрогалось еще и освещалось багровым пламенем взрывов, продолжавших потрясать воздух... Люди чувствовали себя беззащитными, как только оставили те места, на которых привыкли драться, и тревожно толпились во мраке у входа моста, который качал сильный ветер... Выходя на ту сторону моста, почти каждый солдат снимал шапку и крестился. Но за этим чувством было другое, тяжелое, сосущее и более глубокое чувство: это было чувство, как будто похожее на раскаяние, стыд и злобу. Почти каждый солдат, взглянув с Северной стороны на оставленный Севастополь, с невыразимой горечью в сердце вздыхал и грозился врагам»{99}.

В 7 часов утра 9 сентября последними переправились на Северную сторону солдаты Тобольского полка. После этого мост был разведен, а оставшиеся корабли Черноморского флота, в том числе 10 пароходов, затоплены здесь же, в бухте. Легендарная эпопея

завершилась. А союзники все еще не входили в город. Не вошли они в него и на следующий день. И лишь убедившись в том, что Южная сторона города пуста, первые отряды французских войск вступили в его развалины. Теперь противников разделяла водная гладь Большой бухты в один километр шириной и более шести километров длиной. Объединенным силам союзников так и не удалось сломить мужественное сопротивление защитников Севастополя. 349-дневная оборона Южной стороны завершилась не капитуляцией, а планомерным и организованным отходом на Северную сторону. В тех условиях это было, пожалуй, единственно возможное, разумное решение, хотя потеря Малахова кургана еще не свидетельствовала о полном поражении русских. К. Маркс с иронией писал о том, что в Крымской кампании «объединенные силы Франции, Англии, Турции и Сардинии после двух лет «завоевали» половину русской крепости, потеряв взамен ее в пользу России целую турецкую крепость (Карс)...»{100}.

Героическая оборона Севастополя, длившаяся почти год, вошла в летопись наиболее значительных событий военно-политической истории России. Ранее в отечественной истории не было других примеров, когда бы плохо снабжаемый продовольствием, снаряжением, боеприпасами город, отрезанный от центра страны отсутствием сколько-нибудь удобных путей сообщения, без запасов оружия, мог столь долго и успешно отражать натиск крупных и лучше технически оснащенных сил врага. Под стенами Севастополя потерпели крах многие планы союзников. Он не только не дал им возможности активизировать действия в других районах, но и перемолол значительную часть их войск. По словам Ф. Энгельса, к тому времени, когда «русский гарнизон оставил Южную сторону Севастополя, союзники потеряли 250 000 человек убитыми и ранеными и израсходовали миллионы денежных средств»{101}. После оставления Южной стороны еще около двух месяцев велась время от времени перестрелка. -117-

20 сентября Н.И. Пирогов отмечал, что теперь «тишина и спокойствие господствуют около Севастополя»; что с Северной стороны почти все войска выведены и весь ее гарнизон состоит из 2 000 моряков и милиции; что «неприятель не налегает крепко, да и мы там держаться в случае сильного напора не будем»{102}.

Обе стороны не проявляли никакого стремления к решительным действиям. Ближайшая цель союзников была ими достигнута (но не решены стратегические задачи войны): Севастополь (точнее, его Южная сторона) база русского военно-морского флота находился в их руках, а флот покоился на дне Большой бухты. К тому же усилились разногласия в стане союзников: Франция отныне не желала воевать в интересах Англии. Однако дело было не только, вернее, не столько в этом, но и в том, что, по признанию Наполеона III, «несмотря на могущественные военные средства, теперь вполне очевидно для всякого, что одними нашими силами мы не сможем сломить Россию»{103}.

Крымская война 1853-1856 гг. оказала огромное влияние на исторические судьбы России. Она усилила социальные противоречия, продемонстрировала гнилость и беспомощность системы государственного управления, отсталость экономики. Но в момент опасности для территории самой России события приняли такой оборот, что на защиту страны поднялись народные массы, которые отстаивали родную землю от вторжения иноземных захватчиков. Именно это обстоятельство послужило причиной того, что на первый

план в ходе обороны Севастополя выдвинулся моральный фактор борьбы. Вот почему, несмотря на свое огромное преимущество в экономическом отношении и в уровне вооружения, «Англия и Франция вместе возились целый год со взятием одного Севастополя»{104}. Русские солдаты и матросы в ходе войны показали удивительное мужество, самоотверженность и героизм, особенно полно проявившиеся при обороне этого города. Н.И. Пирогов недаром писал в самые тяжелые ее дни, что раненый солдат, вынужденный отправиться в лазарет, «горюет не о потерянной руке или ноге, а скорбит душой о том, что не может остаться в рядах своих товарищей»{105}.

Исследованиями советских историков доказано, что «благодаря моральному превосходству русских войск над противником, а также благодаря прогрессивным традициям, сохранившимся в русской армии и на флоте еще со времен Суворова, Кутузова и Ушакова, русское военное искусство в Крымской войне не уступало военному искусству Запада, несмотря на военно-техническую отсталость России... Не мнимое превосходство англо-французских вооруженных сил над русскими в отношении стратегии и тактики, а экономическая и военно-техническая отсталость России – вот действительные причины ее поражения в Крымской войне»{106}. Героические дела доблестных воинов России, особенно в дни «страшной и славной осады» Севастополя, расценивались современниками как подвиг. И если, по определению А.И. Герцена, «Альма и Евпатория лежат на совести царизма», то «богатырская защита Севастополя», по словам Н.Г. Чернышевского, целиком заслуга народа{107}. Вместе с тем не следует забывать, что «никогда еще, с тех пор как существуют войны, столь блестящая храбрость не расточалась ради таких несоразмерных ей результатов, как в эту крымскую кампанию. Никогда еще такое количество превосходных солдат не приносилось в жертву и за такой короткий срок для достижения столь сомнительных успехов»{108}. Здесь прежде всего имеются в виду внешнеполитические итоги войны. Но нельзя не учитывать и того, что ее исход ускорил созревание революционной ситуации в стране и приблизил отмену крепостного права. -118-

Примечания:

{1} См.: В.А. Дивин, Н.И. Казаков. Об освещении некоторых вопросов истории Крымской войны в литературе последних лет. «Вопросы истории», 1957, №2; И.В. Бестужев. Освещение Крымской войны в советской историографии. «Вопросы истории». 1964, №10.

{2} «Собрание донесений о военных действиях и дипломатических бумаг и актов, относящихся до войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годов» (далее «Собрание донесений»).СПБ . 1858, стр.13.

{3} Ph. Guedalla. Palmerston. L. 1950, p. 315; И.В. Бестужев. Крымская война 1853-1856 гг. М. 1956, стр. 17.

{4} Е.В. Тарле. Крымская война. Т. I. М.-Л. 1950, стр. 289.

{5} А.П. Жандр. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии В.А. Корнилова. СПб. 1859, стр. 368-369. (Не учтены 22 орудия турецкого парохода «Таиф», позорно покинувшего поле боя в самом начале сражения).

{6} «П.С. Нахимов». Документы и материалы. М. 1954, стр. 310, док. № 216.

- {7} «Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя» (далее «Материалы»), Вып. I. СПб. 1871, стр. 191.
- {8} «П.С. Нахимов». Документы и материалы, стр. 319, док. № 225.
- {9} А.М. Зайончковский. Восточная война 1853-1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 2, ч. 1. СПб. 1913, стр. 303.
- {10} О составе Черноморского флота России см.: Н.Ф. Дубровин. История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. I. СПб. 1900, стр. 52.
- {11} См. Е.В. Тарле. Указ. соч., стр. 530.
- {12} «Собрание донесений», стр. 156.
- {13} Там же, стр. 190.
- {14} Там же, стр. 220.
- {15} Там же, стр. 127.
- {16} «Материалы». Вып. V. СПб. 1874, стр. 175.
- {17} И.С. Миславский. Оборона северного русского Поморья от англо-французских захватчиков в период Крымской войны. «Вопросы истории», 1958, № 6.
- {18} «Соловецкий монастырь и описание бомбардирования его англичанами 7 июня 1854 г.». М. 1867.
- {19} Е.В. Тарле. Указ. соч. Т. II. М.-Л. 1950, стр. 216.
- {20} Там же, стр. 216-224.
- {21} «Морской сборник», 1854, № 12, стр. 477.
- {22} Г.И. Невельской. Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России, 1849-1855 гг. М. 1947, стр. 309.
- {23} Цит. по: Е.В. Тарле. Указ. соч. Т. II, стр. 430.
- {24} «Материалы». Вып. II. СПб. 1871, стр. 387.
- {25} «Русский архив», 1867, № 12, стр. 1611.
- {26} Цит. по: Е.В. Тарле. Указ. соч. Т. II, стр. 108.
- {27} А.М. Зайончковский. Указ. соч., стр. 337.
- {28} Цит. по: Е.В. Тарле. Указ. соч. Т. II, стр. 107.
- {29} Н.Ф. Дубровин. Указ. соч., стр. 195.
- {30} «История XIX века». Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. Т. V. М. 1938, стр. 212.
- {31} Д.И. Лихачев. Очерк действий Черноморского флота в 1853-1854 гг. «Военный сборник», 1902, № 4, стр.114.
- {32} И.В. Бестужев. Крымская война 1853-1856 гг., стр. 90.
- {33} «Материалы». Вып. II, стр. 416.

- {34} Е.В. Тарле. Указ. соч. Т. II, стр. 118.
- {35} Там же, стр. 152.
- {36} Цит. по: Н.Ф. Дубровин. Указ. соч., стр. 255.
- {37} «Материалы». Вып. II, стр. 484.
- {38} К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 10, стр. 544.
- {39} См. Е.В. Тарле. Указ. соч. Т. II, стр. 131.
- {40} А.Ф. Тютчева. При дворе двух императоров. Воспоминания-дневник. Т. I. М. 1928, стр. 125. Автор фрейлина императрицы .
- {41} Э.И. Тотлебен. Описание обороны г. Севастополя. Ч. I. СПб. 1863, стр. 201.
- {42} «Материалы». Вып. IV. СПб. 1872, стр. 342.
- {43} К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 10, стр. 587.
- {44} Н.И. Пирогов. Севастопольские письма и воспоминания. М. 1950, стр. 18.
- {45} К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 10, стр. 537.
- {46} Н.Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. VI. М. 1949, стр. 312.
- {48} К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 11, стр. 303; т. 10, стр. 538.
- {49} К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 10, стр.688.
- {50} Э.И. Тотлебен. Указ. соч. Ч.I, стр. 297.
- {51} К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 10, стр. 548.
- {52} «П.С. Нахимов». Документы и материалы, стр. XXXV, XXXVI.
- {53} Цит. по: А.П. Жандр. Указ. соч., стр. 231.
- {54} «Материалы». Вып. IV, стр. 344.
- {55} К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 10, стр. 547-548.
- {56} «Материалы». Вып. IV, стр. 345; вып. V, стр. 101.
- {57} К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 10, стр. 546.
- {58} Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Т. 59. М.-Л. 1935, стр. 281.
- {59} «Сборник известий, относящихся до настоящей войны». Кн. 22. СПб. 1857, стр. 496-497.
- {60} Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Т. 59, стр. 281.
- {61} Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Т. 4. М.-Л. 1932, стр. 6, 16.
- {62} Ср.: Е.В. Тарле. Указ. соч. Т. 11, стр. 179; И.В. Бестужев. Крымская война 1853-1856 гг., стр. 106.
- {63} Цит. по: Е.В. Тарле. Указ. соч. Т. II, стр. 194.
- {64} «Военный сборник», 1859, № 2, стр. 409.
- {65} Цит. по: Е.В. Тарле. Указ. соч. Т. II, стр. 188.

- {66} «Материалы». Вып. IV, стр. 211, 213, 220, 352.
- {67} Е.В. Тарле. Указ. соч. Т. II, стр. 188.
- {68} К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 10, стр. 589.
- {69} Там же, стр. 567-568, 589.
- {70} «Материалы». Вып. IV, стр. 208.
- {71} Там же, стр. 200; вып. V, стр. 103.
- {72} Цит. по: И.В. Бестужев. Крымская война 1853-1856 гг., стр. 110.
- {73} «Русская старина», 1875, № 2, стр. 322.
- {74} «Материалы». Вып. V, стр. 292.
- {75} Там же. Вып. IV, стр. 308; вып. V, стр. 198, 201.
- {76} К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 11, стр. 54.
- {77} «Военный сборник», 1859, т. 8, стр. 324.
- {78} «Материалы». Вып. V, стр. 110.
- {79} А.Ф. Тютчева. Указ. соч. Т. II. М. 1929, стр. 191.
- {80} Н.И. Пирогов. Указ. соч., стр. 76.
- {81} К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 11, стр. 619.
- {82} Там же, стр. 183. Ф. Энгельс отмечал также, что сооружение этих «выдвинутых вперед укреплений не имеет себе равных в истории осад и характеризует их организаторов как первоклассных специалистов в своей области» (там же, стр. 180).
- {83} «Материалы». Вып. V, стр. 179, 201.
- {84} К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 11, стр. 257.
- {87} «Материалы». Вып. V, стр. 431, 432.
- {86} «История XIX века». Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. Т. V, стр. 212.
- {87} Э.И. Тотлебен. Указ. соч. Ч. II, отд. 1. СПб. 1868, стр. 308.
- {88} Там же, стр. 325.
- {89} См. Е.В. Тарле. Указ. соч. Т. II, стр. 425.
- {90} К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 11, стр. 333.
- {91} Цит. по: Е.В. Тарле. Указ. соч. Т. II, стр. 427.
- {92} См. там же, стр. 437.
- {93} «Русская старина», 1883, № 7, стр. 211-212.
- {94} Цит. по: Е.В. Тарле. Указ. соч. Т. II, стр. 466-467; И. В. Бестужев. Крымская война 1853-1856 гг., стр. 138.
- {95} Цит. по: И.В.Бестужев. Крымская война 1853-1856 гг., стр. 139.

- {96} Н.С. Милошевич. Из записок севастопольца. СПб. 1904, стр. 62-63.
- {97} Э.И. Тотлебен. Указ. соч. Ч. II, отд. 2. СПб. 1872. стр. 174-175.
- {98} И.В. Бестужев. Крымская война 1853-1856 гг., стр. 140. В момент атаки непосредственно на Малаховом кургане находилось 880 русских бойцов.
- {99} Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Т. 4, стр. 117-118, 119.
- {100} К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 14, стр. 531.
- {101} К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 11, стр. 619; ср. И.В. Бестужев. Крымская война и революционная ситуация. В кн.: «Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг.». М. 1963, стр. 192-193. О потерях севастопольского гарнизона см.: Х. Гюббенет. Очерк медицинской и госпитальной части русских войск в Крыму в 1854-1856 гг. СПб. 1870, стр. 157-158.
- {102} Н.И. Пирогов. Указ. соч., стр. 76, 79, 87, 90.
- {103} «Русский вестник», 1878, № 3, стр. 245.
- {104} В.И. Ленин. ПСС. Т. 9, стр. 153.
- {105} Н.И. Пирогов. Указ. соч., стр. 97.
- {106} И.В. Бестужев. Крымская война 1853-1856 гг., стр. 150.
- {107} «Полярная звезда на 1856 год». Кн. II. М. 1966, стр. VI; Н.Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. II. М. 1949, стр. 581.
- {108} К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 11, стр. 620.